

Плейлист

К и М:

Moby – Porcelain

The Irrepressibles – In This Shirt

Rompasso – Kamikaze

Tuxedo – So good

Jnr Choi, Sam Tompkins – To The Moon

Свадьба:

Maroon 5 – Sugar

AJR – The Good Part

T.I. feat. Rihanna – Live Your Life

Bruno Mars – Marry You

Redbone – Come And Get Your Love

Robin Thicke, T.I., Pharrell Williams – Blurred Lines

Rod Stewart – Do Ya Think I'm Sexy

Cheese People – Wake Up

Simple Plan – I'm Just a Kid

Ниночка:

Eminem – Without Me

Katy Perry feat. Nicki Minaj – Swish Swish

JAWNY – Honeypie

Он: Я не был с ней нежен тогда, не собираюсь беречь ее чувства и сейчас.

Она: Однажды я уже сбежала от него. Больше этого не повторится. Я преподам ему такой урок, что он запомнит меня навсегда!

Он: Эта маленькая лгунья ничего не значит для меня...

Она: Я ненавижу этого самовлюбленного идиота!

- 1 -

Карина

Знаете, бывает такое, вроде ничего не случилось, а тебя разлюбили.

Ты чувствовал что-то большое, сильное, вечное, что вот-вот должно прикоснуться к тебе. Тянулся к нему, почти осязал кончиками своих пальцев, ощущал тепло, направленное на тебя. Крепкое, как ремень безопасности, оно должно было удерживать тебя, на какой бы скорости ты ни несся по жизни. Черт, и ведь оно излучало такой свет, который мог осветить весь твой путь...

А потом свет погас. Ничего не осталось.

Ян ходил из угла в угол по комнате и что-то говорил, но после его слов: «я люблю ее» — мое сознание отказывалось воспринимать любую информацию.

Мой высокий, красивый, сильный Ян.

Он. Любит. Ее.

В смысле — НЕ МЕНЯ.

Черт, это все меняло. Это лишало смысла и наши отношения, и последний год моей жизни, потому что я полностью посвятила его Яну Кореневу, который с легкостью променял меня на «любовь всей своей жизни».

Хотя нет, не с легкостью. Сейчас он присел передо мной на корточки, заглянул в глаза и тихо произнес:

— Если ты хочешь, я останусь. Только скажи.

То есть это я должна решать? Ну, просто замечательно, знаете ли. Я должна решить, быть ему счастливым или принести себя в жертву.

— Я не хочу так поступать с тобой, — добавил он.

«Но ты уже делаешь это», — жалобно пискнуло мое сознание, но вслух не получилось произнести ни слова.

— Прости. — И Ян поймал пальцами проклятую предательскую слезу, скатившуюся по моей щеке.

Я вздрогнула и отшатнулась. Потому что весь этот год я доверяла его сильным рукам, доверяла его ласковым губам и теплым глазам, которые сейчас смотрели на меня... с жалостью. Ему было жаль бедную Карину, которая оказалась третьей лишней!

Да не нужна была мне его тухлая жалость! Лучше холод, равнодушие, усмешка — что угодно! Только не вот эта смесь неловкости и сожаления, которые делали его лицо похожим на тоскливую морду верного пса.

— Уходи, — тихо сказала я.

И отвернулась.

Ян попытался взять меня за руку, но я вырвала ее и прижала к груди. Попытка не разрыдаться отдалась дрожью в пальцах, и мне стало зябко.

— Я буду ждать твоего решения, — как сквозь вату, послышался его голос.

Тихо скрипнула дверь, и на меня обрушилась тишина.

До того как начать встречаться с Корневым, я два года страдала от неразделенной симпатии к однокурснику Илье. Тот сначала не замечал меня, а потом мы стали общаться, но он воспринимал меня исключительно как друга. Отношения с Яном стали моим спасением: я снова ощутила себя живой, нужной и... почти любимой.

Только вот в последний месяц ничего путного из этих отношений не получалось, и виной тому была Любовь. Нет, не фигурально, а в прямом смысле слова — ее так и звали — Любовь.

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

Не Люба, Любушка, Любанька или как там еще, он сам так ее и звал — Любовь. «Недостижимый идеал, первая любовь, возведенная на высокий пьедестал, девушка-сказка, девушка-мечта», почти дословно цитировала его слова моя память.

Я понимаю, что ненормально, когда твой бойфренд постоянно говорит о своей бывшей, но у нас был другой случай — моя соперница не была соперницей в привычном смысле этого слова. Она была мертва уже несколько лет. Да, история сумасшедшая: Ян с Любовью вместе росли в детском доме, из которого девочек продавали в рабство богатым извращенцам.

Когда Коренева разлучили с его девушкой, он сбегал из учреждения и попытался ее разыскать, но не успел — она погибла. Так ему сообщили. Как позже выяснилось — чтобы не искал. Глупого, влюбленного мальчишку просто обманули. Избили до полусмерти, чтобы отстал, и вручили ему эту «правду», с которой он и жил все последующие годы, оплакивая свою Любовь и возводя ее чуть ли не в лик святых.

Когда мы стали встречаться, Ян рассказал мне о ней все. Я поддерживала его всякий раз, когда он страдал, вспоминая ее. Знала, что он скучает, что думает о ней, что держит в одной из книг ее фотографии и периодически достает, чтобы крепко прижать к сердцу.

Я не ревновала. Нет. Я ощущала себя спасительницей, которая забирает часть его боли, облегчая страдания. Я знала, что ему со мной становится легче и что вместе мы преодолеем все невзгоды и перешагнем через прошлое. Я надеялась, что однажды он отпустит ее и что его благодарность перерастет в настоящую любовь ко мне.

Откуда мне было знать, что эту банду богатых педофилов однажды накроет полиция и эта чертова Любовь

окажется целой и невредимой и вдруг ворвется в нашу жизнь, как ураган, сметающий все на своем пути?!¹

И вот теперь Ян сообщил мне о том, что долго боролся с собой, но ничего не может поделать — их незримая связь оказалась гораздо сильнее нашей, вполне осязаемой, связи, и *он просит меня его к ней отпустить*. Отпустить, представляете?! То есть я должна была взять на себя ответственность за его будущее, потому что он, видите ли, не мог «просто бросить меня», ведь он «не такой»?!

Может, между нами и не было какой-то сумасшедшей страсти или ослепляющей любви. Но разве мне должно было быть легче от того, что какое-то время я была для него удобной, уютной запасной гаванью, а теперь он может идти к той, кто его любит и ждет? Вместо этого я почувствовала злость на саму себя. За то, что понимаю его, за то, что не проклинаю и не держу. И за то, что в одночасье стала для него никем.

-2-

Карина

Нина ворвалась в квартиру, которую мы с ней вместе снимали, минут через двадцать после того, как я отправила ей СМС со словами: «Кажется, мне плохо».

— Если ты это написала, значит, случилось что-то очень-очень плохое! — запричитала она, сбрасывая обувь и влетая в гостиную. — Что с тобой? Ты жива?! — прокричала она, тяжело дыша.

¹ Описываемые события происходят в романе «Обаятельное чудовище» Лены Сокол.

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

Я не знала. Просто лежала на диване и не могла встать.

— Ты никогда не жалуешься. Ты самый сильный человек, которого я знаю. — Стала кружить вокруг меня подруга. — Ты ж кремень, Каринка! Ты ж... человек-бульжник, е-мое! Ну, что такое?

Она плюхнулась на край дивана и уставилась на мое лицо. Я продолжала безучастно изучать взглядом потолок и тихо вздыхать.

— Эй. — Нина пощелкала пальцами перед моим лицом. Затем оглядела комнату. — Тут Пупсик насрал целую кучу возле дивана. Видела? Если ты лежишь рядом с кучей, терпишь эту вонь и все еще не встала, не убрала и не наорала на меня, то дела реально плохи. Что с тобой, Зимица?

Я моргнула.

Нина Орлова была моей лучшей подругой с момента приезда в этот город и поступления в Политех. Мы познакомились в первый же день на занятиях и вот уже четвертый год снимали вместе квартиру. В маленькой комнате жила я, а в гостиной она с Пупсиком — так звали маленького вредного йорка, которого Ниночке подарил ее бывший парень Кирилл Леманн.

Было бы справедливее, если бы эту тварь (Пупсика, не Кирилла) назвали Слугой Сатаны, потому что этот милый и безобидный с виду йорк был настоящим исчадием ада — злобным, хитрым и беспощадным гаденышем в аккуратной стриженной собачьей шкуре!

Хозяйка обожала Пупсика и отказывалась видеть любые его недостатки, и тот при каждом удобном случае гадил на пол, грыз мои вещи и постоянно норовил тяпнуть меня то за руку, то за ногу. Может, дело было в том, что Ниночка и сама не обладала ангельским характером и с удовольствием устраивала в нашей общей съемной квартире бардак, а может, в чем другом. Но

я и сама не понимала, как и почему до сих пор терпела рядом с собой эту парочку.

— А как же эклеры? — заныла я.

— Что? — Ниночка положила на мой лоб ладонь и проверила, нет ли температуры. — Какие эклеры? Ты что, опять налупилась сладкого, и тебе стало плохо?

В том-то и дело, что у меня совершенно не было аппетита. И это странно, ведь стоило мне занервничать, я обычно начинала сметать все из холодильника. Особенно перед сессией, когда боялась, что не сдам какой-нибудь из экзаменов.

— Эклеры... — протянула я, открывая глаза. — Как же они?

— Хочешь сладкого? — Подруга встала и метнулась в кухню. — Значит, сильно перенервничала...

— Нет. — Я попыталась приподняться. — Не хочу.

Она обернулась:

— При чем тогда тут эклеры?

— Каждую пятницу он встречал меня с работы с коробкой эклеров, которые покупал в кондитерской на углу. — Я горько вздохнула. — Там было пять видов: шоколадный, ванильный, с лимонным кремом, с соленой карамелью и вареной сгущенкой. Они были... символом наших отношений.

— Эклеры? — скривилась Ниночка, подходя ближе и садясь обратно.

— Да, — всхлипнула я. — Эклеры по-прежнему есть, а любви уже нет. Как так?

Села, потянулась к подруге и разрыдалась у нее на плече.

— Да что такое-то, Карин? — поглаживая меня по спине, спросила Ниночка. — Он что, бросил тебя, да? Ян тебя бросил? Моя девочка... Хочешь, я начищу ему рыло? А? Заплачу бомзам, они подкараулят его в подворотне и побьют? Хочешь? Или потрачу всю свою за-

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

начку на то, чтобы нанять профессионального киллера? Или нет, у меня есть идея лучше — я лично отрежу ему его бессовестное хозяйство бабушкиными ржавыми ножницами!

Она отчаянно пыталась меня рассмешить, но я захлебывалась в слезах.

— Нет, не нужно.

— Он что, тебе изменил? — Нина посмотрела в мое заплаканное лицо. — Расскажи мне все.

— Нет. Мы порвали друг с другом из-за возвращения Любви в его жизнь. Он ее лю-ю-ю-юбит.

— То есть он тебя *бросил*? — нахмурилась она.

— Нет, это я решила его *отпустить*.

— Да, потому что у него любовь с другой девушкой! — возмущенно воскликнула она. — Это и называется бросил! А ведь я тебя предупреждала. Еще когда она только нарисовалась на горизонте, я сразу сообразила, что ты должна держать его подальше от нее. — Нина встряхнула меня за плечи. — Нужно было бороться за свою любовь, Карина! Нужно было оградить его от этой девицы, минимизировать возможность их встречи, нужно было выдрать ей ее поганые лохмы — вот что нужно было сделать!

Я стерла ладонями горячие ручейки слез.

— Они не поганые. Ее лохмы, — произнесла я, сглотив. — Они красивые и шелковистые. И сама она добрая и хорошая, это сразу видно.

— Ну, конечно, — хмыкнула подруга и покачала головой. — Теперь ты будешь оправдывать их обоих.

— А что мне делать?

Она встала и осмотрела комнату.

— Для начала умыться, привести себя в порядок и выпить вина. — Нина уперла руки в бока. — Да я бы тоже от тебя сбежала! Посмотри на себя: волосы в хвост, спортивные штаны, занюханная толстовка.

Ты девушка или где? — Она всплеснула руками. — Ты уделяла слишком мало времени себе и ему, постоянно пропадала на своей работе. И посмотри на квартиру! Такой бардак! На столе засохшая еда, на полу клочки бумаги, повсюду разбросаны вещи!

— Нина, это *твои вещи!* — возмутилась я, оглядываясь. — *Твоя* одежда, клочки брошюр и квитанций, которые грыз *твой* Пупсик, остатки *твоего* завтрака! — Я опустила взгляд. — И кстати, о Пупсике. Он опять пристроился и пытается заняться сексом с моей ногой! Это вообще нормально, нет?

Я попыталась стряхнуть с ноги увлеченного процессом пса, но тот явно не собирался так просто сдаваться — с обезумевшим, голодным взглядом он снова вцепился в мою щиколотку.

— Пупсик хотя бы что-то делает для своего удовольствия! — не растерялась Нина. — А ты взяла и так просто отдала своего парня сопернице!

— У них любовь, Нина. Настоящая. На всю жизнь, понимаешь?

— Нет, — честно ответила она.

— Она — особенная девушка для него. — С грустью вынуждена была признать я. — Он попросил меня решить за него, как поступить, но тут нечего решать: эти двое любят друг друга, и у меня нет никакого права им мешать. Я хочу, чтобы меня тоже кто-то выбрал, потому что я — особенная. А не потому что удобная.

Может, Нина и была права.

Я только начала исполнять свою мечту — открыла собственный цветочный магазин — маленький закуток на входе в торговый центр — и трудилась там все свободное от учебы время. Вкладывала в него все свои силы, старалась сделать необычным, наполнить особой индивидуальностью, возила туда только самые луч-

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

шие цветы, собирала из них удивительные букеты, развивала аккаунты магазина в соцсетях.

Короче, все время была занята. Где уж тут уследить за тем, что творилось в душе моего парня? Я металась между институтом и работой и совсем не уделяла ему времени.

Сама виновата.

— Так что мне делать? — спросила я, оторвав от ноги приставучего пса и передав его Нине, пока он не успел тяпнуть меня за палец.

— Для начала вымыть полы, — улыбнулась подруга, принимая Пупсика. — Я вижу во-о-он там кучку, у окна за шторкой.

— Но это *твой* пес навалил! — посмотрев в сторону окна, сморщилась я.

— А я пока закажу пиццу и налью нам с тобой вина, — вспорхнула с дивана Ниночка.

— Я не буду опять убирать за ним!

— Хорошо. — Она чмокнула Пупсика в лоб. — Уговорила, но это в последний раз. Мамочка сама уберет.

— Это твой пес, Нина! — возмутилась я.

— Наш, — поправила она меня. — Ты только посмотри, какой он пусечка! — Поцеловала его еще раз и прижала к груди. — Сладкий маленький шалун! И он очень сожалеет.

— Ага, очень. По взгляду видно, что навалит снова, как только его прижмет.

— У всех свои недостатки, — беззаботно хихикнула подруга.

— У него их слишком много, — нахмурилась я, наблюдая, как скалится пес. — Тебе не кажется?

— Ты просто завидуешь, что у него такое милое платьице! — улыбнулась Нина, поправляя нелепый дизайнерский наряд на своем Пупсике.

- Лена Сокол -

— Это уж точно. Потому что, если бы ты не тратилась на шмотки этому засранцу, то нам всегда хватало бы на оплату квартиры!

— Как грубо, — надула губки подруга. — Но я тебя прощаю. Знаю, что ты вечно ворчишь, как старуха, но любишь нашего малыша. — Она качнула Пупсика на вытянутых руках. — Да, мой ангелочек? Да, мой зайчик?

Дитя Сатаны криво оскалилось в ответ хозяйке.

— Он улыбнулся! Ты видела? — радостно взвизгнула Нина. — Он мне улыбнулся!

— Да, — опасливо скривилась я.

-3-

Карина

Через час приехала наша третья подруга — Нана.

— Привет, дьяволеныш! — Войдя в квартиру, она первым делом увернулась от любовных поползновений Пупсика.

Но собачку интересовал исключительно пакет с угощениями, который был в ее руке: Пупсик продолжал скакать вокруг этого пакета, точно заведенный.

— Привет, дорогая. — Орлова поцеловала ее в щеку и указала на гостиную: — Проходи, у нас тут срочный сбор.

— Что-то случилось? — Брови девушки взметнулись вверх.

Обычно Ниночка собирала совет лишь по двум поводам: когда у одной из нас случалось что-то очень хорошее, что можно было отметить чаем с пирожными, или что-то очень плохое из разряда «все мужики

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

сво...», когда нужно было подставить одной из нас твердое женское плечо.

Заприметив на столе бутылку вина, Нана сразу поняла, что дела плохи.

— Псих бросил ее, — с болью в голосе сообщила Нина.

— Что?

Нана опустила руки, и коварный Пупсик тут же воспользовался моментом — вцепился зубами в пакет с едой.

— Ох! — Она тут же подняла руку вверх, и пес, взметнувшийся в воздух вслед за пакетом, расцепил челюсти и рухнул на пол. — Ему нужно было родиться питбулем, — констатировала девушка, глядя на Пупсика. Она прошла в гостиную и замерла у дивана, обнаружив безучастное выражение на моем лице. — Это правда? Псих бросил тебя? Да как он мог...

Психом Яна прозвали за агрессивную манеру езды на треке. Он с детства занимался суперкроссом и вместе с парнем Наны, Ильей, постоянно участвовал в гонках. Очевидно, теперь болеть за гонщика с номером «13» на джерси будет Любовь.

— Мы разошлись по обоюдному согласию, — как заклинание повторила я. — Он попросил меня решить, как ему лучше...

— Да бросил он ее! — вмешалась Нина.

— Да, бросил, — подтвердила я и закусила губу, чтобы снова не расплакаться.

— Ясно. — Нана поставила пакет с покупками на столик, подошла и обняла меня. — Мне очень жаль.

— Знаю.

Я не выдержала и дала слабинку, щедро оросив слезами и облизав ее плечо.

— Так, хватит, — разняла нас Нина, — хватит пускать сопли! Давайте лучше промоем кости этому козлу Корневу! Пусть сидит сейчас и икает, пусть у него уши горят!

Она наполнила наши бокалы, и мы все расселись на полу вокруг журнального столика. Нана достала из пакета пирог с вишней, капкейки и тарталетки с ванильным кремом и расставила их на столе. Пупсик, возбужденный запахом пищи, стал нервно суетиться между нами в надежде урвать кусок.

— За нас! — Я вяло подняла бокал.

— За Карину! — поддержала Нана.

— И за ее будущее счастье! — провозгласила Ниночка. — Все самые классные парни будут у ее ног, и жалкий Коренев еще будет локти кусать, что упустил нашу девочку!

— Да!

Мы чокнулись бокалами. Я с трудом сделала один маленький глоток и поставила вино на столик.

— Нужно ему отомстить, — вдруг коварно взглянула на меня Нина.

— Отомстить?

— Да! — кивнула она. — Когда женщине ломают крылья, она пересаживается на метлу. Сам виноват, так что без претензий потом.

— Это не про меня, — мотнула головой я. — Не буду я ему мстить.

— И где же та сильная Карина, которая сметает все преграды на своем пути? Которая знает себе цену и не лезет за словом в карман?

— Сдулась. — Я шмыгнула носом.

— А где твоя женская сила? Где коварство и хитрость? Где самолюбие? Ты должна щелкнуть его по носу! Должна показать ему, чего он лишился, кого потерял!

— Нина, — не удержалась я, — когда вы расстались с Кириллом, ты безутешно рыдала целый месяц! Месяц! Дай и мне пострадать, а?

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

— Да, рыдала, но через месяц я снова вдохнула жизнь полной грудью. — Она гордо выпятила вышеупомянутую часть тела.

— Да ты пустилась во все тяжкие! — неловко кашлянула Нана.

— Я... я открыла для себя мир мужчин, — отмахнулась Орлова.

— Ты привела к нам в квартиру панка из бара! — напомнила я. — Сколько вы с ним были на тот момент знакомы?

Нина взяла с тарелки кусочек пирога и дала Пупсику. Тот стал смачно чавкать, разбрасывая крошки по полу.

— Меньше часа, — покраснела она.

— Вот именно! — Я покачала головой. — А потом ты стала встречаться с Ромой Гаевским, чтобы позлить Кирилла, и чем это закончилось? Освежить тебе память?

Подруга закатила глаза:

— Ну... он застал меня с другим.

— Он застал тебя со своим отцом!

— О боже, да мы просто целовались! — взмолилась Нина.

— Ага. У него в офисе. На его столе, — потупив взгляд, добавила Нана.

— Хорошо, — сдалась Орлова, — допустим, я — не образец морали и нравственности. Но все это в прошлом, и я учусь на своих ошибках.

Мы с Наной понимающе переглянулись.

— И все же я настаиваю на своем, — улыбнулась Нина. — Излечить от чувств могут только новые чувства. Тебе, Карина, нужно заняться собой, отдохнуть и развеяться, иначе ты вырастешь в этот диван и превратишься в склизкий болотный гриб.

- Лена Сокол -

— Да, — поддержала ее Нана, — предлагаю нам всем вместе сходить на неделе в салон красоты или в спа: чистка перышек отлично поднимает настроение.

— Кстати, — Орлова вскочила и бросилась в прихожую, — в прошлом месяце по почте приходила целая пачка купонов в новый косметологический центр, сейчас я их найду!

Через полминуты она вернулась с целой кипой счетов, квитанций, писем и брошюр.

— Скажи мне, Зимина, когда ты в последний раз разбирала почту?

— Мы вместе здесь живем. — Я пожала плечами. — Это наша общая обязанность.

— И ты ее не выполняешь, — хмыкнула подруга, вываливая перед нами гору бумаг. — Попробуй здесь хоть что-то найди...

— А это что? — выудила из пачки какую-то розовую карточку Нана. Повертела перед лицом. — Ого... похоже, приглашение на свадьбу.

— Что? — Я выхватила карточку из ее рук.

— Для кого оно? — спросила Нина.

— Для нее, — указала на меня Нана.

— Карина, покажи! Что там? — заинтересовалась Орлова.

— Да я и сама не пойму... — Пробегая глазами по строчкам, все больше удивлялась я. — Похоже, что... мой брат женится. — Я задумалась. — Через... э-э-э... уже через десять дней!

— Сколько это приглашение здесь пролежало? — нахмурилась Нина.

— Около месяца, — пробубнила я.

В горле пересохло, пришлось сглотнуть.

— И ты что, не знала, что твой брат решил жениться?

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

— Он говорил, да, когда звонил в прошлый раз... но я думала, что он так шутит.

— Так в чем проблема? — оживилась Ниночка, выхватывая карточку из моих рук. — Это же круто! У тебя еще есть несколько дней на подготовку!

— Проблема?.. Да нет проблемы... — Я уставилась в пол. — Просто я... не хочу.

— Почему? — погладила меня по плечу Нана.

— Потому что... не знаю. — Я поежилась. — Потому что нужно ехать в родной город, встречаться там со всеми, разговаривать... а я... в таком состоянии. Я разбита.

— Ничего себе! — У Нины округлились глаза. — Поехать на море, провести там чудесную неделю с родными на торжестве, выгулять свои лучшие наряды! Что может быть лучше?

— Я... я просто... — у меня никак не получалось подобрать нужных слов.

— Ты же будешь типа свидетельницей? А на свадьбах всегда куча народа и куча красивых парней, так? И еще есть классный обычай — свидетели должны... ну, ты понимаешь. Ты, случайно, не знаешь, кто будет свидетелем со стороны жениха?

— Знаю, — хрипло ответила я.

Попыталась сделать глубокий вдох, и воздух с трудом прорвался в мои легкие.

— Да уже сто лет, как нет на свадьбах никаких свидетелей и обычаев! — заметила Нана.

Но Нину было не унять. Она захлопала в ладоши:

— Тебе нужно переспать с другом жениха!

Я взяла со стола бокал и осушила его залпом, затем подняла взгляд на ошарашенных подруг и тихо произнесла:

— В нем-то вся и проблема.

Карина

Мысли о Максе Радове были моим табу. Пока не трогаешь — не болит. Я просто отложила воспоминания об этом человеке в самый дальний уголок своей памяти, на самую верхнюю полку, закрыла ее на ключик и постаралась забыть. Приказала себе не думать о прошлом, а если вдруг что-то напоминало о нем, старалась отвлечься на любые домашние дела или учебу.

Макса Радова для меня больше не существовало, он отбыл в параллельную Вселенную — вместе с моими наивными детскими мечтами о принце на белом коне, скачущих по зефирным облакам розовых единорогах и прочих не существующих в реальном мире вещах. Он не должен был оттуда возвращаться, но тут моему братцу вдруг приспичило жениться на какой-то девице, которую он едва знал. Нормально вообще?

И теперь нам предстояло встретиться и провести вместе целую неделю. Неделю! Целых семь ужасных дней в обществе человека, которого ты ненавидишь! Боже...

Вот скажите, разве может что-то из прошлого вернуться, ворваться в твоё настоящее и всё перевернуть? Похоже, что да. Тем более со мной это сегодня произошло дважды. Сначала Ян меня бросил из-за своей старой любви, а теперь моя старая заноза по имени Радов впиалась мне прямо в зад. Я сидела, смотрела на девочек и не знала, как сказать им, что именно меня когда-то связывало с Максом.

Он появился в моей жизни, когда мне было двенадцать. Однажды вечером за ужином папа стал обсуждать с мамой переезд в наш район семьи Радовых.

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

Мой отец гордился тем, что однажды смог перевезти нас из маленькой двушки в старой блочной трехэтажке в приличный двухэтажный дом в неплохом районе, а вот для обанкротившегося Радова-старшего переезд из шикарного особняка у моря в домишко для среднего класса на нашей улице был настоящим ударом.

Мать с отцом рассуждали на тему того, как же бывшие богачи справятся с новой жизнью, а я со скучающим видом жевала овощи и смотрела в окно. Мне было неинтересно слушать о ком-то, кто не имел ко мне совершенно никакого отношения. А потом отец сказал, что сынок Радовых пойдет в обычную школу и будет учиться с моим братом Вовкой в одном классе, и в этот момент по дороге возле нашего дома проехал большой красивый автомобиль.

Стекло заднего сиденья было опущено, и я успела заметить лицо мальчишки, сидящего внутри. Золотисто-каштановые волосы, густые черные брови и напряженные карие глаза. Он всматривался в окружающие его дома и недовольно хмурился. Поджимал свои красивые пухлые губы, и выражение его лица становилось практически мученическим. В следующую секунду наши глаза встретились, и я чуть не обронила вилку.

— Дети бывают очень жестокими, — сказал отец, глядя на моего брата, — если Максима будут задирать, ты уж поддержи его, ладно?

Вовка не отличался острым умом, поэтому решил уточнить:

— Почему его должны задирать?

— Потому, что он совсем из другого мира, сынок. Другая одежда, другие привычки, мысли. Этот мальчишка вполне может оказаться высокомерным, и другие ребята быстро его осадят. Кто знает, может, это и правильно, но лучше не перегибать палку, вы же еще дети, понимаешь?

— Как же, — хмыкнул брат.

Ничего он не понимал.

Но отец оказался не прав. Макс Радов не был высокомерным. Они с Вовкой быстро подружились. Так я узнала, что богатенький сынок сам продал все свои гаджеты, скутер и даже модные джинсы, чтобы помочь деньгами Радову-старшему, который к тому времени уже еле сводил концы с концами и был вынужден распрощаться со всей остальной недвижимостью и автомобилями.

Макс неплохо адаптировался на новом месте и уже через месяц выглядел так, будто ничем не отличался от любого мальчишки с нашего района.

— Это Карина, — бросил Вовка, махнув в мою сторону рукой, когда Радов впервые пришел к нам в дом. — Моя младшая сестра.

— Привет, — насмешливо скользнул по мне взглядом Макс и без помощи рук избавился в прихожей от своих кроссовок.

Я чуть не ахнула от восхищения — так круто это смотрелось.

— Она мелкая, поэтому играть мы ее не возьмем, — ухмыльнулся брат. — Пошли. — Развернулся и направился в свою комнату.

— Девчонок не берем, — пожал плечами Макс и последовал за ним.

Они ушли играть в приставку, а я направилась жаловаться маме.

Знаете, в этом возрасте три года — целая пропасть. Когда тебе двенадцать, а им по пятнадцать, дело даже не в различии полов. Я была совсем еще ребенком, глупым, неуклюжим. Не интересовалась модой, косметикой, мальчишками. Мне нравилось кататься на велосипеде с моим другом Филей и его соседом Витькой. Мы залезали в чужие сады, воровали абрикосы и черешню, бегали на море, купались до одури, собирали

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

камушки, рисовали мелом на асфальте или краской на заборах. Мы вместе смотрели мультики и пинали мяч во дворе, а Вовка с Максом казались нам совсем уже крутыми из другого, взрослого мира.

И, несмотря на это, я влюбилась. Тогда мне было почти тринадцать, и мама посчитала, что лучшим подарком к моему дню рождения станут уродливые брекетты, которые сделают меня «красивой-красивой, честно-честно». Конечно же, красоты они мне не добавили, и главным последствием стала моя сдержанная улыбка: я старалась не смеяться над шутками и улыбаться с закрытым ртом.

Сейчас, глядя на свои детские фотографии, я могу точно сказать: они меня ничуть не испортили, даже наоборот. Но тогда взглянуть на вещи реально не было возможным. Мне казалось, что страшнее меня нет никого в округе.

— Привет, Железяка! — говорил Макс, когда приходил к нам за Вовкой.

— Привет, Гадов. — С гордо поднятой головой отвечала я.

-5-

Карина

И всегда делала вид, что мне до него и дела нет. А потом бежала к маме и жаловалась, что брат меня никуда с собой не берет. Само собой, Вовка получал нагоняй, и ему приходилось таскать меня с собой на их «взрослые» гулянки.

Я приходила с ними на спортплощадку, садилась на скамейку и смотрела, как они выделывают разные трюки на великах или скейтах. Делала вид, что занята те-

лефоном или книгой, а сама в это время осторожно косилась на Радова.

Разглядывала его, отмечала каждую деталь. Ловкие руки, сильные ноги, гибкость. Но больше всего мне нравилась его широкая улыбка. Он смеялся даже тогда, когда у него ничего не получалось. Даже падая и сдирая колени, он улыбался. А когда наши взгляды встречались, я неминуемо заливалась краской и не понимала, что же такое со мной творится.

— Иди гуляй со своим толстым Филькой! — возмущался брат, когда мать в очередной раз навязывала ему мое общество. — Или влюбленные поссорились?

— Он не мой, — злилась я, толкая его в плечо.

— Мама, мы хотим нормально погулять с пацанами! — взмолился Вова. — Все опять будут ржать, что я притащился с этой ябедой!

— Мама, они курят за гаражами! Я видела! — не сдавалась я.

— Возьми сестру, — устало попросила мать, — Филипп уехал к бабушке, девочки все в лагере, что ей одной дома сидеть.

— Достали! — ворчал Вовка, но все же взял меня с собой.

И Радов картинно закатил глаза, увидев, что я иду за ними.

Мальчишки специально ходили торопливо или ехали слишком быстро, чтобы отвязаться от меня, а я старалась не уступать им: собрав все силы, ускорялась и догоняла. А когда отставала или вдруг падала, они оба смеялись. Если я отвлекалась, они убегали, и мне приходилось возвращаться домой одной.

Лето прошло, наступила новая осень, а за ней и зима. Макс больше не приходил к нам домой так часто, как в каникулы, но школьные будни дарили мне возможность видеться с ним почти каждый день. Тог-

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

да же я с досадой обнаружила, что они с Вовкой начали интересоваться девчонками. Все чаще стала замечать их обоих в компании старшеклассниц на переменках. Остановливалась и смотрела, как они разговаривают. Помню глупое выражение лица Вовки и горящие глаза Макса.

А однажды Макс положил руку одной красивой девушке на талию, и я, увидев это, убежала в туалет. Я не понимала тогда, что чувствую. Мне стало трудно дышать, было так больно и так обидно, что все горело изнутри. Мне не хотелось, чтобы он дарил свои красивые улыбки кому-то еще, не хотелось, чтобы он улыбался всем этим симпатичным девочкам, но, надо было признать, — все старшеклассницы буквально сами прыгали ему на шею.

Я ненавидела его. За то, что смеется надо мной, за то, что не замечает, за то, что не воспринимает серьезно. Ненавидела и... любила. Наверное, это было очевидно для всех, кроме него. Потому что, кроме насмешек, от Макса мне по-прежнему ничего не доставалось.

Однажды он опозорил меня перед всем классом. Был День учителя, и я знала, что уроки у нас будут вести старшеклассники. Обычно все такие занятия проводятся для галочки, поэтому учить стих, который задали на дом, я не стала. Прозвенел звонок, и на пороге появился он — в модном свитере, узких джинсах, и даже волосы зачесал набок, как порядочный. Только озорство из взгляда ему не под силу было убрать.

Он вошел, и мы послушно сели на свои места.

У меня язык к небу прилип от волнения.

Радов представился, что-то сказал классу, что-то спросил, а я все не могла оторвать глаз от его лица. Любовалась, витала в облаках.

— Кто у нас здесь отличница? — Бросив на меня взгляд, он быстро пробежался пальцем по списку в журнале. — О, Зими́на. Вот с нее и начнем. Иди к доске, Зими́на, рассказывай стих, который задали на дом. А двоечникам я даю время выучить, повторяйте пока.

— Я... — Я с волнением поднялась с места.

Он сделал это специально. Он издевался! Даже не учитель, просто старшеклассник, да как он мог...

— Я... — стала заикаться я.

— Не готова? Ясно. — Радов посмотрел на меня надменно и ядовито улыбнулся. — Ну, что ж, двойка. Потом исправишь.

И жирно вывел в журнале оценку, хотя не имел никакого права этого делать.

Под общий смех я пулей вылетела из класса.

— Ненавижу! Ненавижу! — кричала на бегу.

Впервые я не стала жаловаться маме. Прорыдала весь вечер у себя в комнате, а потом наорала на брата:

— Вы придурки! Оба! Ты и твой Гадов!

— Вот и держись от нас подальше, — заржал он.

— Вот и буду! Буду! Это вы ко мне не подходите! Ненавижу вас обоих! — И хлопнула дверью. — Козлы!

Тринадцать лет. У меня не было ни намека на грудь и прочие округлости. Я была тощим, нескладным подростком, а Радов — привлекательным юношей. Неудивительно, что он не воспринимал меня всерьез. Я была для него всего лишь «соплей», неразумным дитем, малявкой, над которой так весело было смеяться вместе с ее братом. И я почти смирилась с тем, что так будет всегда, но в этот вечер Макс пришел к нам в дом с ночевкой, и, когда я совсем этого не ожидала, дверь в мою комнату отворилась.

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

— Что тебе здесь нужно? Пришел поглумиться? — Я отложила книгу, которую читала, и встала с постели.

Комнату освещал ночник, и Радов мог наслаждаться моим идиотским видом в старомодной длинной пижаме. Но он застыл в дверном проеме и, не двигаясь, смотрел куда-то в сторону.

— Можешь выдохнуть. — Макс улыбнулся и дернул плечом. — Я не поставил тебе двойку, только сделал вид. — Радов говорил негромко, явно не желал, чтобы кто-то из домочадцев застал его за визитом в мою спальню.

Я прислушалась. Из гостиной доносился шум телевизора. Парень посмотрел на меня, сделал осторожный шаг, и теперь между нами оставался всего лишь метр.

— Да мне плевать, — сказала я, задрал нос. — Даже если в самом деле поставил. Я уже привыкла к тому, что ты ведешь себя как придурок!

— Хорошо, что я тебе не нравлюсь, — хмыкнул Макс. — Не у всех хороший вкус.

— А я... я не обязана быть в восторге от твоего присутствия, так что проваливай.

И кивнула на дверь.

— Я — не придурок. Я просто за пределами твоего понимания, — прошептал он, нависая надо мной.

— Будет здорово, если ты свалишь и закроешь дверь с той стороны, — произнесла я, ощущая себя взрослой и сильной.

Я впервые смогла дать кому-то отпор.

— Надо чаще тебя злить, — усмехнулся он и вышел.

А я еще долго вспоминала чертиков, которых увидела в этот момент в его глазах.

Карина

— Какая?

Девочки продолжали непонимающе смотреть на меня.

— Что? — Я тревожно нахмурилась и взглянула на карточку с приглашением.

— Какая проблема? — переспросила Нина.

— Проблема? — Кажется, я немного отвлеклась от происходящего.

— Да, — кивнула подруга. — Ты сказала, что проблема в друге жениха.

— А, это... Да. — Я прочистила горло. — Дело в том, что мы с ним с детства не перевариваем друг друга.

— Почему?

Две пары глаз продолжали неотрывно смотреть на меня.

— Ну, бывает такое. — Я пожала плечами. — Встретишь человека и с первого взгляда понимаешь, что... хочешь прожить без него всю свою жизнь. Понимаете? Этот Макс... он... он невыносимый. Ужасный.

— Так, значит, *Макс*? — Нина села поближе.

— Макс Радов. — Я решила подлить себе вина. — Они с моим братом дружат с юности.

— Ты не рассказывала нам о нем, — заметила Орлова.

Нана кивнула — она тоже ни разу не слышала от меня упоминаний об этом человеке.

— Разве? — попыталась изобразить удивление я. — Ну, может быть.

Я выпила залпом еще бокал и отвела взгляд.

— У-у-у... — многозначительно протянула Нина, глядя на меня.

- Люблю, скучаю... ненавижу! -

– У-у-у! – подхватил за ней Пупсик.

– Что? – не выдержала я.

– Судя по твоему виду, этот Макс не просто твой старый знакомый.

Нана опять кивнула.

– Он... друг моего брата, – решив приоткрыть свою тайну, сказала я. – И он изводил меня все мое детство. Дразнил, подначивал, издевался. Обзывал меня Железкой из-за брекетов! Думаете, приятно было? Конечно, мне теперь не хочется встречаться с ним на этой свадьбе!

– Ясно, – прищурилась Нина, изучая мое лицо.

– Что тебе ясно? – Мне стало неуютно под ее взглядом.

Но подруга молчала. Во время этой паузы я думала только о том, что, кажется, все парни, которые мне когда-либо нравились, как будто соревновались друг с другом, кто сделает мне больнее. Наверное, все эти эмоции отразились сейчас на моем лице, потому что Орлова вдруг в удивлении широко распахнула глаза:

– Он что, твой *бывший*?!

– Что?! Нет! – вскочила я. Заходила туда-сюда по комнате, размахивая руками. – Кто? Радов? Да он мне... отвратителен! Мы с ним... мы бы... да мы никогда не нашли бы с ним общий язык! У нас... неприязнь! Я не переносу его!

– Точно бывший, – с печальным видом заключила Нана. – Давай, Карин, колись уже.

– Да не бывший он мне! – Я рухнула на диван, и Пупсик, воспользовавшись всеобщим замешательством, умыкнул со стола новое угощение и рванул за штору.

– Но у вас что-то было? – Нина подседа ко мне.

– У нас... – Я отчаянно замотала головой: – Нет. Я его любила. А он... он – чудака на букву «М», вот и все.

— У тебя есть его фото? — Нана подседа ко мне с другой стороны.

— Нет. Я специально не следила за его жизнью и не искала в соцсетях. Мы не виделись с моего школьного выпускного.

— Может, он уже разжирел, облысел и женился? — предположила Ниночка.

— Нина, да Макс всего на три года старше меня!

— Так какой он, этот твой Макс?

— Не знаю. — Я закрыла глаза, вспоминая. — Он язвительный, гадкий, наглый, и... все девчонки от него без ума. — Я тряхнула головой. — Нет, я не могу, не поеду! Если он будет там, я не переживу этого! Не хочу снова быть той девчонкой, которая бегала за ним хвостиком. Девчонкой, которую он отталкивал, над которой смеялся.

— А как насчет утереть ему нос? — Нана погладила меня по руке. — Зимина, это же свадьба твоего брата. Праздник. А ты уже не школьница в брекетах, ты — свободная, независимая девушка.

— И одинокая, — напомнила я.

— А еще ты самая веселая и красивая девчонка из тех, что я знаю, — улыбнулась Нина. — И в язвительности с тобой этому Радову еще придется посоревноваться. — Она обняла меня. — Пришла пора вспомнить, что ты сильная и храбрая, Карин. Пусть увидит тебя и поймет, что потерял. Такая девочка, как ты, ему, козлу, точно не светит.

— Предстань перед ним успешной и красивой, — подмигнула мне Нана. — Пусть он обалдеет!

— Да, — поддержала ее Орлова. — Тебе точно нужно поехать на свадьбу. Вдруг ты встретишь там свою любовь?

Однажды я уже нашла в этом городе свою любовь, а потом бежала от нее так быстро, что сверкали пятки.